

УДК 32.019.5; 327

Ширинянец А.А., Сорокопудова О.Е.

(г. Москва)

«РУССКИЙ ВОПРОС»: ФРАНЦУЗСКАЯ РУСОФОБИЯ В XIX ВЕКЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить историческое формирование образа России и русских в глазах европейского общества. Особенно остро «русский вопрос» проявился в насыщенном политическими событиями XIX в. во Франции. На примерах социально-политических текстов, публицистики, исторических сочинений исследуются общественные настроения и особенности международной политической обстановки этого периода. Российско-французские отношения в XIX в. были непростыми, периоды мирного взаимодействия сменялись периодами политического напряжения. Восприятие России зависело от этих процессов, а закрепление в массовом сознании европейцев образа «варварской» страны с незвитым и диким народом привело в конечном итоге к возникновению феномена русофобии. В статье анализируется происхождение и развитие стереотипов и клише в оценке России и русского народа, которые были сформированы почти два века назад, но продолжают жить и сегодня.

Ключевые слова: история социально-политических учений, общественное мнение, «русский вопрос», Франция XIX в., русофобия.

A. Shirinyants, O. Sorokopudova

(Moscow)

**“THE RUSSIAN QUESTION”:
FRENCH RUSSOPHOBIA IN THE 19TH CENTURY**

Abstract. The article attempts to trace the historical formation of the image of Russia in the eyes of European society. The particularly severe “Russian question” manifested in France in the historically eventful XIX century. The examples of socio-political texts, publicism, historical essays of that period explore public moods and features of the international political situation. The Russian-French relations in the XIX century were quite difficult, with periods of peaceful interaction followed by periods of political tension. The European perception of Russia inevitably depended on these processes. Consolidation in the Europeans’ mass consciousness the image of Russia as a «barbaric» country led to the emergence of the phenomenon of Russophobia. The article examines the origins and development of stereotypes and clichés in the way Russia and the Russian people were evaluation. It is stated that they were formed almost two centuries ago, but still exist today.

Key words: history of socio-political doctrines, public opinion, “the Russian question”, France XIX century, Russophobia.

Противопоставление и сопряжение образов «себя» и «другого» – человека, народа, государства, – этот процесс сознательного и несознательного конструирования мы можем наблюдать на протяжении всей истории. Стереотипы представлений, шаблоны и клише, которые используются до сих пор для характеристики национального характера русского народа, складывались на протяжении долгого периода, поэтому представляется особенно важным проследить их историческое развитие. Особенно примечателен в этом отношении XIX в. Он был насыщен политическими событиями, в которых главную роль играло российское государство. Эти события, безусловно, влияли на развитие и эволюцию образа России в глазах иностранного, прежде всего, европейского сообщества. Наряду с положительными интерпретациями участия Российской империи в международных политических процессах XIX в., доброжелательными оценками быта, нравов и обычаев русского народа, в этот исторический период происходило оформление и негативных стереотипов восприятия образа России и русских в глазах народов Европы.

Династический характер внешней политики Российской империи, направленной на сохранение европейских монархий и политического «баланса сил» в Европе, вмешательство с этой целью во внутренние дела других государств, участие практически во всех европейских войнах привели к возникновению в массовом сознании европейцев устойчивого страха перед экспансивной силой России. Столкновение внешнеполитических интересов России с интересами других европейских стран, агрессивная политическая пропаганда этих стран, акцентирующая культурные противоречия, которые не так четко обнаруживались в высших слоях европейского и русского обществ, но становились вопиющими при столкновении с простым русским народом, объявленным европейскими писателями и журналистами «варварским», «азиатским», «коварным» и «кровожадным», – все это обусловило превращение русофобии в устойчивый элемент общественного сознания европейцев.

В свое время, замечательный русский мыслитель И.А. Ильин в небольшой статье «Мировая политика русских государей» (1949), перечисляя характерные черты отношения Запада к России в XIX в., обнаружил в Европе целое «гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...». Емкая, точная и выразительная формула Ильина, разъясняющая суть такого отношения, сводится к следующему: «Европейцам „нужна“ дурная Россия: **варварская**, чтобы „цивилизовать“ ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчлениить; **завоевательная**, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики;

религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; **хозяйственно-несостоятельная**, чтобы претендовать на ее „неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту „гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий „до последней капли ее крови”» [5, с. 93].

В данном случае Ильин «осовременил» понятие, которое, как принято считать, впервые ввел в общественный оборот Ф.И. Тютчев¹, указывавший, что в основе русофобии – ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России [14, с. 191]. Возникновение образа России – «чудовища», «людоеда 19-го века» [14, с. 176] – в общественном сознании европейцев, с точки зрения Тютчева, было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы (т.е. России – законной сестры христианского Запада, не феодальной и не иерархической, но потому самому еще более искренно-христианской, целого мира, единого по своему началу, солидарного в своих частях, живущего своею собственною органическою, самобытною жизнью [14, с. 182]), непониманием общественной системы, цивилизации, которая сменит западную: «Западные люди, судящие о России, – это нечто вроде китайцев, судящих о Европе...» [14, с. 100]. К «непониманию» присовокупляется «нравственная безответственность» [14, с. 191]. При этом, как тонко подмечал Тютчев, общественное мнение раздражает против России не реальные «несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности» [14, с. 193], а сами начала цивилизации (история без феодализма, религиозной борьбы, папской иерархии, имперских войн, инквизиции, рыцарства; наличие единства и «основного начала», которое «не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления» [14, с. 192]). В связи с этим он также отмечает инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство – «нечто среднее между уважением и страхом – то чувство awe (благоговейного страха – А.Ш., О.С.), которое испытывают только по отношению к Власти» [16, с. 100, 101].

¹ Считается, что именно Тютчев ввел в общественно-политическую лексику слово «руссофобия». В качестве доказательства приводим слова из письма поэта от 20 сентября 1867 г. дочери Анне: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *руссофобия* некоторых русских людей – кстати, весьма почитаемых.<...> в явлении, которое я имею ввиду, о принципах как таковых не может быть и речи, здесь действуют только инстинкты, и именно в природе этих инстинктов и следовало бы разобратся» [13, с. 269]. Тютчев здесь говорит о русских либералах-западниках.

Можно без труда выделить общий вектор и перечислить довольно ограниченный набор идейных сюжетов русофобской пропаганды, проследить устойчивость многих «формул» отношения к России и русским, которые использовались в XIX в., встречались в веке XX и даже в наши дни. Но, наряду с общими моментами, восприятие России и русского народа имело свою специфику в разных странах. Особенности межгосударственных отношений, взаимной истории, политических курсов и стратегий накладывали отпечаток на риторику и идейные акценты «русского вопроса» в той или иной стране [12]. Так, отношения России и Франции на протяжении всего XIX в. были очень непростыми и отличались нестабильностью. Вслед за колебаниями политического курса, изменялось и восприятие России французским обществом. В моменты политической напряженности французская пресса непременно обрушивала на Россию целый вал русофобских инвектив, формировавших в сознании европейцев образы варварской, агрессивной, вероломной Российской империи.

Французскую русофобию XIX в. можно весьма условно разделить на три периода. Начало первому периоду напряженности было положено противостоянием европейских стран в эпоху наполеоновских войн. Агрессивная завоевательная политика Наполеона в отношении России обосновывалась мифом о якобы существующем и передающемся из поколения в поколение правителей России «завещании» Петра I. Предположительно в 1812 г. в Париже вышла книга анонимного автора «О росте Русского государства с момента его возникновения до начала XIX века» [17], содержащая массу тенденциозно подобранных фактов «захватнической политики» России. Ее автор уверял, что в личных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром I, где якобы изложен план (проект) политической деятельности, рекомендованный Петром вниманию своих преемников, который большинство из них выполняли твердо и неуклонно. В доказательство в книге приводилось «резюме» этого плана в 14 пунктах. В 1836 г. Фредерик Гайярде в работе «Мемуары кавалера д'Эона» [18] опубликовал копию «плана европейского господства», оставленного Петром I своим преемникам, причем указал, что эта копия снята непосредственно на месте, в архиве Петергофского дворца. Гайярде пояснил, что некий кавалер д'Эон, находившийся на дипломатической службе в России, нашел этот документ в секретных архивах царского двора и передал в 1757 г. в руки короля Людовика XV. «Завещание» имеет своей исторической основой реальную внешнюю политику России в XVIII в., но превратно истолкованную. Более всего в «документе» просматриваются внешнеполитические интересы Франции и Польши. Автор «Завещания» не был знатоком внешней политики Петра I, из-за чего в тексте имеется целый ряд ошибок и нелепостей

[1, с. 416, 417]. Но он верно уловил многие тенденции русской политики и связал их с Петром I, руководствуясь выработанным в XVIII в. стереотипом: Россия – творение Петра I. Мешая правду с вымыслом, автор завершал создание нового стереотипа «русской опасности», который стыковался в сознании европейцев со старым стереотипом «русского варварства» [10]. Из этого «документа» читателю становилось ясно, что у Петра I были грандиозные замыслы и что его проекты не были похоронены вместе с ним. Среди «рекомендаций» Петра I в «Завещании» содержатся, например, такие: «Поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха; оставлять его в покое только для улучшения финансов государства, для переустройства армии и для того, чтобы выждать удобное для нападения время. Таким образом, пользоваться миром для войны и войной для мира, в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России» [12, с. 211]. Об агрессивности России говорится почти в каждом пункте этого «плана» политического развития русского государства. «Завещание» неоднократно использовалось в европейской антиросийской пропаганде и политической публицистике XIX–XX вв., неизменно «всплывая» практически при каждом обострении отношений с Россией как подтверждение мифа о «русской опасности» [15; 16; 19–25]. С помощью этого «документа» пытались доказать, что Россия всегда стремилась завоевать Европу и весь мир, что она действует в духе «завещания» Петра I, который якобы рекомендовал своим потомкам не слагать оружия, пока Россия не станет властителем всего мира².

Второй период роста русофобских настроений во Франции наступил после Июльской революции 1830 г. Воцарившегося на французском престоле Луи Филиппа Орлеанского российский император Николай I до конца жизни считал «узурпатором» престола, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского, внука свергнутого короля Карла X. Все это время французы так или иначе следили за событиями, происходящими в далекой России, однако их представления о ней были весьма поверхностными и расплывчатыми. Неточные, а порой и просто вымышленные сведения о близкой отставке высокопоставленных государственных деятелей России (например, заместителя Царства Польского фельдмаршала И.Ф. Паскевича), о заговорах и бунтах в армии и т.п. регулярно появлялись на страницах французской печати.

Наиболее одиозной фигурой французской русофобии 1840-х гг. стал маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857). Продолжая дело, начатое первоот-

---

² Примечательно, что часть авторов ссылалась на положения «завещания» не с целью сознательного очернения образа России, но вполне доверяя этому псевдоисторическому источнику [3, с. 22–29].

крывателем жанра путевых заметок астрономом Жаном Шапп д'Отрошем (1722–1769), предпринявшим в екатерининские времена путешествие в Сибирь и оставившим современникам и потомкам антирусские по своему характеру записки «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г. ...» (Paris, 1768), уже в новом, XIX в., Кюстин добился разрешения посетить Россию, и летом 1839 г. совершил поездку по стране, ведя путевой дневник в эпистолярном жанре. Первое издание 36 писем, написанных Кюстином в России, вышло в Париже в мае 1843 г. под названием «La Russie en 1839» (1–4 vol.), затем в ноябре того же года вышло второе, исправленное и дополненное издание. Третье и четвертое издания «России в 1839 году» вышли в 1846 г.; пятое – в 1854 г.; шестое – в 1855 г. Книга имела огромный успех у европейцев, ее перевели на немецкий и английский языки, неоднократно переиздавали. В России книгу Кюстина запретили, и первые отрывки из нее были опубликованы на русском языке лишь в 1891 г. Полностью путевые записки Кюстина были переведены на русский язык, прокомментированы и изданы В.А. Мильчиной и ее коллегами [9] в 1996 г. Европейский успех книги и неприязненное отношение к ней и к ее автору в России во многом были обусловлены зоологическим характером русофобских эскапад Кюстина. При всем уважении к некоторым нашим современникам, сумевшим разглядеть в писаниях Кюстина «любовь» и даже «восхищение» Россией [7], следует признать, что Кюстин в своих письмах недвусмысленно демонстрирует презрение к варварской стране, кишашей насекомыми и ... холопами, смысл жизни которых – страх и подчинение деспотизму высшей власти в лице немецкого императора. Последнему Кюстин выказывает известное сочувствие³. И если одна часть «холопов» – представители российской знати, продемонстрировав «чудовищную смесь византийской мелочности с татарской свирепостью, греческого этикета с азиатской дикой отвагой» [8, с. 93], буквально очаровала Кюстина, то «простой народ» – русские крестьяне, мещане, купцы, солдаты и прочие жители России и ее столицы, в большинстве своем предстают в описании Кюстина хитрыми, вороватыми, лукавыми, жестокими, физически уродливыми представителями немецко-шведско-ливонско-финско-калмыцко-татарско-славянской смеси [8, с. 186], жизнь которых проходит в антисанитарных условиях своеобразного симбиоза людей с клопами и тараканами. Неслучайно русское общество снизу доверху пронизано страхом, насилием, духом беззакония, шпионством. В нем господствует бескорыстное и безотчетное раболепство. Резюме Кюстина,

³ «Сомнений больше нет; все решено: я вынес наконец суждение о Николае I... Это человек с твердым характером и непреклонной волей – без этих качеств невозможно стать тюремщиком третьей части земного шара; но ему не хватает великодушия: его злоупотребления властью слишком убедительно мне это доказывают» [8, с. 357].

«изучившего» за пару месяцев русский народ, крайне негативно: «русского народа еще и нет – есть только императоры, имеющие рабов, и вельможи, также имеющие рабов; народа все они не образуют» [8, с. 637]. При этом народ, которого, по Кюстину, «еще нет», обладает «необузданной страстью к завоеваниям»⁴ и угрожает Европе: «Россия видит в Европе свою добычу, которая рано или поздно ей достанется...» [8, с. 642]. Произведение Кюстина стало на долгие годы настольной книгой русофобов.

Третий период обострения русофобских настроений во Франции связан с Крымской войной 1853–1856 гг. Это время отмечено наиболее острыми выпадами в адрес Российской империи со стороны всего европейского сообщества. В Европе появилось множество газетных и журнальных статей, карикатур, памфлетов и целых работ, посвященных описанию «варварской» Российской империи и ее «дикого» народа.

Французский историк Жюль Мишле (1798–1874) в начале 1850-х гг. написал целый цикл статей о России. Для Мишле, сочувствующего декабристам и полякам, Россия была самой настоящей «империей зла» [11]. Опираясь на сведения, почерпнутые из работ Герцена⁵ и прусского экономиста А. фон Гакстгаузена⁶ о русской сельской общине, Мишле делает нелестные выводы о русском народе и российском государстве. Положение дел в России он описывает так: «Чудовищная жизненная мощь, чудовищная плодovitость, которая грозила бы страшными опасностями всему миру, не будь она уравновешена другой, не менее чудовищной силой – смертью, которой прислуживают два расторопных помощника: ужасный климат и еще более ужасное правительство» [11, с. 152]. Ряд характеристик русского народа Мишле заимствует у А. де Кюстина, «проницательностью» которого восхищался. Он приводит примеры ужасающей безнравственности русского человека в семье, анализирует его рабское положение в «общинном коммунизме», характеризует нравы и быт: «Физическая любовь и водка, непрерывное рождение детей, которые тотчас умирают, после чего родители немедленно зачинают следующих, – вот жизнь крепостного крестьянина» [12,

⁴ «В сердце русского народа кипит сильная, необузданная страсть к завоеваниям – одна из тех страстей, что вырастают лишь в душе угнетенных и питаются лишь всенародно бедой. Нация эта, захватническая от природы, алчная от перенесенных лишений, униженным покорством у себя дома заранее испускает свою мечту о тиранической власти над другими народами; ожидание славы и богатств отвлекает ее от переживаемого ею бесчестия; коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной волюнты» [8, с. 641].

⁵ Прежде всего, Ж. Мишле опирался на сочинение А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России», изданное на французском языке в 1851 г.

⁶ Двухтомный труд А. фон Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» вышел на немецком и французском языке в 1847 г.

с. 291]. Вслед за Кюстином Мишле утверждает, что «глядя на русских, ясно понимаешь, что это племя пока не развилось до конца. Русские – еще не вполне люди» [11, с. 155], а само русское государство – это «царство лжи» и «крещендо обманов, мнимостей, иллюзий» [11, с. 158]. Однако, в отличие от монархиста Кюстина, демократ Мишле усматривал единственное средство спасения России в свержении деспотической власти императора. Суждения Мишле о русском народе, резкие и несправедливые, вызвали неприятие даже у русского политического диссидента Герцена. Герцен был вынужден ответить на антирусские эскапады брошюрой «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» [2], вышедшей в Ницце на французском языке осенью 1851 г., где оспорил утверждения о том, «что Россия не существует, что русские не люди, что они лишены нравственного смысла» [2, с. 453], и призвал западных публицистов отличать русский народ от «византийско-немецкого правительства», народную Россию – от России официальной.

В середине XIX в. во Франции появлялись и весьма экзотичные представления о России. Эрнест Кердериу (1825–1862) – революционер, публицист, анархист предложил свое видение России и ее будущей роли в европейской судьбе. Впечатленный идеями Ш. Фурье, П. Леру и П.-Ж. Прудона, Кердериу сосредоточил свои интеллектуальные усилия на пропаганде анархистских идей братства и сопротивления угнетению и в 1854 г. опубликовал работу «Ура!!! Или революция от казаков». Накануне и во время Крымской войны «казацкая» тема активно эксплуатировалась во французском театре и во французской прессе, причем казаки рисовались самыми черными красками. Кердериу трактует популярную фигуру по-своему. Казак, по его определению, это всякий угнетенный человек. Книга Кердериу – плод разочарования автора во французском революционном движении. Ход его мысли прост: коль скоро Франция не способна измениться самостоятельно, пусть ей помогут в этом русские завоеватели-варвары; коль скоро западная цивилизация обветшала и прогнила, пусть ее уничтожит войско Николая I. Осенью 1854 г., когда Франция уже полгода находилась в состоянии войны с Россией, позиция эта стала настоящим вызовом западному обществу [6, с. 159]. Сведения о России Кердериу, как и Ж. Мишле, черпал по преимуществу из книги Герцена «О развитии революционных идей в России». Доказывая неизбежность падения европейской цивилизации, Кердериу первую же главу посвящает «общему изложению причин, обуславливающих неизбежность завоевания Западной Европы Россией» [6, с. 160]. Говоря о России как о варварской стране, Кердериу утверждает о том, что единственная миссия русского народа – «завоевывать и разрушать» [6, с. 164]. «Такой силы, единой, сплоченной и более могущественной, нежели та, благодаря которой существует сегодня Франция, – силы послушной, дисциплинированной, вышколенной Деспоти-

ческим правлением; рабски покорной, в отличие от той, на которую опирается сегодня Франция, – силы воинственной и завоевательной, слепой, глухой и немой, разрушительной, презирующей условности и требования чести, кровожадной и более беспощадной, нежели все *сентябрьские* и *декабрьские* убийцы во Франции⁷, – силы, не считающейся ни с какими потерями, ни с какими бедствиями и беспрестанно возрождающейся в лоне нации, которая может и хочет до бесконечности поставлять новых солдат и новые боеприпасы, в отличие от Франции, которая этого не может и не хочет, – такой силы я не нахожу нигде, кроме как в России» [6, с. 162]. Французским авторам свойственна яркость речи. Рисуя устрашающий образ России, Кердериу пишет: «Я никогда не отводил России иной роли; я сказал, что она станет дубиной, которая расплющит западные страны с их интересами, станет мечом, который разрубит гордые узел монополии. Только моим противникам из *злободневных политических листков* могло прийти на ум, будто я приписываю русской силе интеллектуальное могущество» [6, с. 163]. Объясняет он такое положение дел традиционной отсылкой на «объективные» законы исторического развития: «Франки, саксонцы и германцы, например, за это время не только развились физически; они истощили свои мыслительные способности: их ум прошел через отрочество, окреп и достиг зрелости. Между тем славянская раса оставалась в арьергарде завоевателей, она пребывала за кулисами великого театра человеческого существования, и выжидала там, сжимая рукоять своего меча. Вся ее история есть не что иное, как череда войн, которые то обращали ее в рабство, то предоставляли ей власть, которую она удерживала с величайшей жестокостью» [12, с. 315, 316].

В это же время во Франции увидела свет еще одна необычная и по форме и по жанру работа, посвященная России – «История Святой Руси...» (1854). Название книги обманчиво. Ее автор Гюстав Доре (1832–1883) – не историк, а французский живописец и график. Не имея специального художественного образования, но с детства развивая свой талант, Доре получил широкую известность как иллюстратор. Первая его самостоятельная работа «История Святой Руси...» стала реакцией на политические события Крымской войны (1853–1856). Происхождение России, ее история, политическое устройство получили у Доре фантастическую и язвительную интерпретацию. Сам жанр работы был новаторским для XIX в. По сути, она представляет собой графический роман – вид визуальной повести, состоящей из гравюр и текста, прообраз будущих комиксов. Сочетая карикатурные изображения с колкими комментариями к ним, Доре создает сатирический

⁷ Имеются в виду участники массовых убийств аристократов в парижских тюрьмах 2-5 сентября 1792 г. и участники государственного переворота 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеона Бонапарта.

Рис. 1. Г. Начало истории России. Рисунок Г. Доре

В непроглядной вековой тьме затеряно начало истории России.

Рис. 2. Происхождение русского человека. Рисунок Г. Доре

Если верить древнейшим источникам, между 2-м и 3-м голыми могучий белый медведь Полноч палился многообещающей улыбкой красочки-моржихи. В результате этой порочной связи явился на свет первый русский. (Nest: p: et ecc: gloss. Conrad: apud. Sev: 17 et q. s.)

образ России. Это подчеркивается уже в самом названии – «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси по старинным источникам и историкам: Нестору, Никону, Сильвестру, Карамзину, Сегюру и др. в 500 рисунках с комментариями». Свой труд Доре начинает с рисунка «черного квадрата», поясняя, что «в непроглядной тьме затеряно начало Истории России» (рис. 1) [4, с. 6], а первый русский появился в результате «порочной связи» белого медведя и моржихи (рис. 2) [4, с. 7]. Про-

слеживая историю России, Доре намеренно искажает последовательность правителей, родственные связи и даже имена. Например, он описывает период феодальной раздробленности XII–XIII вв. так: «... как только трон перешел к Андрею, вся страна легла перед ним на брюхо, дабы вновь восторжествовал мир и всеобщее благоденствие. За Андреем следовал Бруталеслав, великий охотник. За Бруталеславом следовал Баффреслав, большой обжора. За Баффреславом следовал Куатшеслав, непревзойденный оратор. За Куатшеславом следовал Флитцеслав, самый меткий лучник. За Флитцеславом следовал Плумпислав, ловкий прыгун. За Плумпиславом следовал Калослав, красавец из красавцев. За Калославом следовал Вутислав, облаченный в доспехи. <...>» [4, с. 43, 44]. Ряд иллюстраций Доре сопровождает насмешливыми стихотворными подписями⁸. Новаторская по жанру и форме работа Доре полна сатирической фантазии и намеков на варварскую, звериную природу русского человека и государства⁹ и вполне укладывается в русло русофобии того времени.

Русофобские настроения как во Франции, так и в Европе, не стихали и после окончания Крымской войны. Ярким примером русофобии 1860-х гг. является творчество Анри Мартена (1810–1883). Юрист по образованию, Мартен известен во Франции как авторитетный историк, член Национального собрания и Французской Академии. Под его руководством была опубликована «История Франции» в девятнадцати томах. Мартен отличался крайне неприязненным отношением к России. Один из его основных трудов, «Россия и Европа» (1866), возникший под влиянием расистских идей поляка-эмигранта Ф. Духиньского, описывает русских («москвитов») как склонный к деспотизму варварский народ неевропейского (туранского) происхождения, несправедливо присвоивший историю Руси.

Отказывая русскому народу в праве считаться славянским народом, Мартен указывает на пропасть, разделяющую Россию от остального цивилизованного мира: «Москвит совершенно отличается по духу от славянина и европейца. Основные его качества – все отрицательные: отсутствие индивидуальности, всесторонней развитости, изобретательности и непременно порождаемой ею способности к самосовершенствованию, что сочетается с необычайной покорностью и умением с большой легкостью подражать другим. У москвитов совершенно нет никакой расположенности к созданию

⁸ Например, иллюстрируя период Крымской войны, он пишет: «Когда бескрайнюю страну / вовлек в кровавую войну / царь Николай Добрейший, - / льстец, пристегнув поклон к словам, / спросил: “Не кажется ли вам, / о государь мудрейший, / что в город враг войдет вот-вот?” / Но царь заткнул бедняге рот: / “Зови гостей к обеду / и мне с утра мозги не парь, / поскольку царь на то и царь, / чтоб не проспаться победу”» [12, с. 355].

⁹ К примеру, любимой забавой детства Ивана IV Доре называет – «разрывание кузнечика» [4, с. 87].

свободных сообществ, если только речь не идет о религиозном сектанстве. У них нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола, особенно со стороны верховной власти, оппозиция которой считается в некотором роде кощунством. Московиты не знают прав человека, у них наличествует влечение к самовластью и фанатичное преклонение перед грубой силой» [21, с. 100]. Обосновывая тезис о том, что русские и европейцы принадлежат к разным историческим расам – арийской и туранской, Мартен доказывает неизбежность решающей схватки России и Европы. Предрекая неминуемую гибель от нашествия московитов, Мартен призывает европейские государства к объединению как единственному средству противостоять общему внешнему врагу: «Европейские народы еще слабо отдают себе отчет в том, что главной целью создания подобной федерации независимых европейских народов станет их совместная борьба против России» [21, с. II].

Мартен считал, что «Русский народ можно привести к цивилизованности только через его поражение в войне. Если Европа не победит Россию, она погибнет. Любая война между самими европейцами есть гражданская война. Война же с московитами – это битва с внешним врагом, битва за существование» [21, с. 106]. Однако, в реальной истории война случилась не между Европой и Россией, как предсказывал Мартен, а между Францией и Пруссией. Несмотря на невмешательство России в этот военный конфликт между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с О. Бисмарком и поражение в нем Франции, отношение к России во французском обществе изменилось. После Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Россия стала восприниматься как один из возможных союзников Франции, что, в конечном счете, привело к созданию в конце XIX в. франко-русского союза (1891–1917).

Таким образом, даже на этих немногочисленных примерах можно проследить как неприязненное отношение, обусловленное во многом политическими причинами, оформлялось и фиксировалось в литературных, исторических, публицистических произведениях. Примечательно, что на родине европейского Просвещения – во Франции, при наличии довольно прочных политических, экономических, культурных российско-французских связей, дискуссия по «русскому вопросу» даже в XIX в. все еще велась в категориях «дикости», «варварства» и «недоразвитости». Написанные на злобу дня, очерняющие облик России и русского народа работы воспринимались обывателями как достоверное изложение фактов, закрепляя в сознании европейцев образ опасного русского «врага». Все это отчасти объясняет живучесть русофобии и устойчивость многочисленных aberrаций образа России на Западе.

Литература:

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – Л., 1989.
2. Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянец; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. – М.: Издательство Московского университета, 2012.
3. Данилова Е.Н. «Завещание» Петра Великого // Альманах «Арабески истории». Выпуск 5–6. «Каспийский транзит». – Т. 2. / Составитель А.И. Курчки. – М.: «ДИ-ДИК», 1996.
4. Доре Г. История Святой Руси / Пер. с фр. Л. Рофварг, поэт. пер. с фр. И. Евса, отв. ред. Т. Волкова. – М.: Астрель, 2012.
5. Ильин И.А. Мировая политика русских государей // Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. – Том I. – Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956.
6. Кердериу Э. Ура!!! Или революция от казаков / Пер. с фр. В. Мильчина // Отечественные записки. – № 38 (5). – 2007.
7. Кожин В.В. Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России. К 160-летию знаменитого путешественника. [Электронный ресурс] – URL: http://www.patriotica.ru/enemy/kozh_kustin.html (дата обращения: 04.05.2014).
8. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. – СПб.: Крига, 2008.
9. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – Серия «Записи Прошлого».
10. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. – Саратов, 2003.
11. Мишле Ж. Демократические легенды Севера / Пер. с фр. В. Мильчина // Отечественные записки. – № 38 (5). – 2007.
12. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под. ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. – М., 2013.
13. Тютчев Ф.И. Письмо А.Ф. Аксаковой. 20 сентября 1867 г. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6. М.: Издательский Центр «Классика», 2004.
14. Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. – М., 1999.
15. Balleydier A. Histoire de l'empereur Nicolas (Trente annees de regne). –Т. II. – Paris, 1857.
16. Colson F. De la Pologne et des Cabinet du Nord. Т. I–III. – Paris-Leipzig, 1841.
17. Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siacle. Par M. L. ***. – Paris, 1812.
18. Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. – Т. I–II. – Paris, 1836.
19. Gaume M. Le Testament de Pierre le Grand, ou la clef de l'avenir. – Paris, 1876.
20. L'Hermite P. Une derniere fois sauvons la Pologne, suivi du Testament de Pierre le Grand. – Paris, 1863.
21. Martin H. La Russie et l'Europe. – Paris, 1866.
22. Mochmacki M. Powstanie Naroda Polskiego. – Paris, 1834.

23. Question d' Orient. Carte des agrandissements de la Russie depuis Pierre le Grand jusqu' a ce jour avec le testament de ce monarque, et une par Correard I. – Paris, 1855.

24. *Ravergie A.-L.* Histoire de la Russie et de ses projets d' envahissements depuis le regne de Pierre le Grand jusqu' a nos jours. – Paris, 1854.

25. *Teleki L.* Testament de Pierre le Grand. L' intervention russe. – Paris, 1849.